

друг» (I, 173). Имена друга и читателя разъединены, поставлены в их изначальные и непримиримо враждебные отношения. Самый характер этого «кто» («если кто безстрастный...»), его читательский вкус (Радищев пишет об «ищущих блестящих подвигов в повествованиях и с равным вкусом читающих Квинта Курция и Серванта»), его нравственное кредо и политическая позиция («если кто <...> скажет <...> что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества») предельно четко мотивируют природу конфликта. Но разрыв с «кто» не означает полного разрыва с читателем. Напротив, резкое размежевание с «иным» помогает писателю определить тот тип читателя, «сочувственника» и друга, к диалогу с которыми так настойчиво стремился Радищев, — «те, коих души отверсты на любление юности» (I, 178).

И все же эпистолярная природа «Жития» еще в значительной мере связана только с его основным адресатом — другом юности. «Житие Ф. В. Ушакова» фиксирует лишь самый момент возникновения неудовлетворенности найденной формой и необходимости новых экспериментов. Они привели к созданию «Путешествия из Петербурга в Москву», путешествия, «сатирического воззвания к возмущению» (А. С. Пушкин), прозы ораторской, публицистической, — и, как это ни парадоксально, произведения, ставшего результатом самого глубокого, самого сознательного овладения структурой письма.

Внешние признаки письма, совершенно очевидные в «Письме к другу» и «Житии Ф. В. Ушакова», здесь не только не проявлены, но и как будто намеренно стерты: в «Путешествии» нет ощущения одного постоянного адресата. Радищев то несет свою взволнованную речь другу — «сочувственнику» («О мой друг, мой друг! почто и ты не зрел сея картины? ты бы прослезился со мною» — гл. «Клин», I, 374), то вступает в длительные словопрепления, почти всегда небрежно-иронические, с «любезным читателем» («Но любезный читатель ты уже зеваеш. Полно видно мне снимать силуеты» — гл. «Новгород», I, 265), то говорит с неким безличным «вы» («Зимою ли я ехал или летом, для вас думаю равно» — гл. «Любани», I, 232). Эта произвольность обращений кажущаяся, самая система называния читателя вовсе не случайная, не стихийная: она регулируется проблематикой глав, типом рассказчика, спецификой сказа. И потому непосредственный адресат «Спасской Полести» — «властитель мира»,<sup>23</sup> «Крестцов» — «отец чадолюбивый», «истинный гражданин» (I, 282). Вот почему в «Хотилове» закономерно появляется имя «возлюбленных <...> сограждан», «истинных сынов отечества» (I, 313), а упоминание о читателе, «любезном читателе», неизбежно возни-

---

<sup>23</sup> «Властитель мира, если читая сон мой, ты улыбнешся с насмешкою, или нахмуриш чело, ведай, что виденная мною странница, отлетела от тебя далеко, и чертогов твоих гнушается» (I, 257).